

в своих намерениях и помыслах. Несколько раз мне приходило в голову изложить Вам свое духовное настроение и хоть в общих чертах свою историю. Но это требует большого труда, и мне слишком больно за него достается». ¹²¹

Толстой, разумеется, замысел Страхова тут же поддержал: «Напишите свою жизнь; я всё хочу то же сделать. Но только надо поставить — возбудить к своей жизни отвращение всех читателей». ¹²²

На этот раз Страхов решился смелее последовать совету Толстого, даже — не без успеха — постарался, чтобы его признания вызвали «отвращение». Начал он эту свою во многих отношениях поразительную исповедь словами молитвы, которую «часто вспоминал в последние двадцать или тридцать лет, когда случалось... мучиться совестью», и вспомнил теперь, «задумавши писать о своей жизни»: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей». ¹²³ Молитва хороша, но от мучительных и постоянных сомнений и колебаний и она не спасает; трудно совладать с собой, трудно «добиться правды», не обманывая себя и других: «О жизни своей мне судить очень трудно, не только о ближайших, но и о самых далеких событиях. Иногда жизнь моя представляется мне пошлою, иногда героической, иногда трогательною, иногда отвратительною, иногда несчастною до отчаяния, иногда радостною. И я не знаю на чем остановиться, знаю, что каждый раз преувеличиваю, и наконец перестаю верить себе». ¹²⁴

Двойничество Страхов считает доминирующей чертой своей душевной жизни, в которой гипертрофированная роль принадлежит прихотливой игре воображения: «Я ничего не чувствую просто и прямо, а все у меня двоятся. В моей голове идет постоянно игра мыслей, действующая на меня часто сильнее действительности (...). В сущности я не боязлив, не суеверен, не мнителен; но представление боязни, суеверия, мнительности может так во мне разыграться, то если я сам себя воображу таким боязливым, суеверным и мнительным, что замучу себя этим воображением больше, чем если бы действительно имел эти недостатки (...). настоящая душевная жизнь во мне очень слаба, а жизнь представлений чересчур сильна и подвижна». ¹²⁵

В счастливые минуты Страхов воображал себя «любимым, уважаемым» и соответственно такому душевному настроению и в других видел «черты трогательные и восхитительные», пылал «любовью к людям, к истине», впадал «в смирение, в умиление». С годами, что естественно, пылать стал реже. Гораздо памятнее ему были другие, тягостные и гадкие, больные мгновения, о которых Страхов без малейшей утайки рассказывает Толстому: «Но истинно противны другие минуты, когда я вижу тяжелое оскорбление в самом невинном слове и звуке и когда сам навожу на себя чувства гадкие, все те чувства, которых боюсь и которые испытываю именно оттого, что их боюсь; страх перед ними нагоняет их на меня. Порывы ненависти, глубочайшего эгоизма и малодушия иногда являются в моей душе, и хотя я им не верю и гоню их, я огорчаюсь до отчаяния уже тем, что мне знакомы эти отвратительные явления, что так или иначе моя душа породила их». ¹²⁶

Такому мучительному состоянию души, таким жгучим и болезненным представлениям Страхов придумал и особое название: «спускаться в ад» («и, право, иногда это название не кажется мне сильным»). Страхов необык-

¹²¹ Там же. Т. 2. С. 538.

¹²² Там же. С. 540.

¹²³ Там же. С. 541.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. С. 542.